

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.111(73)
doi: 10.17223/15617793/478/1

Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот»

Дарья Владимировна Абдурахманова-Павлова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dvap_19@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема рецепции «Дневника» (1774) Дж. Вулмена в романе Т. Драйзера «Оплот» (1946). Влияние Вулмена на Драйзера, уже отмечавшееся в литературоведении, подтверждается рядом прежде не зафиксированных учеными сопоставлений. Проведенный анализ текстов Вулмена и Драйзера позволяет выявить два уровня рецепции: с одной стороны, «Дневник» играет существенную роль в сюжете «Оплота»; с другой стороны, герой «Дневника» в ряде аспектов оказывается прототипом главного героя «Оплота» Солон Барнеса.

Ключевые слова: Джон Вулмен, «Дневник» Джона Вулмена, автобиография, Теодор Драйзер, «Оплот», рецепция, аллюзия.

Для цитирования: Абдурахманова-Павлова Д.В. Рецепция «Дневника» Джона Вулмена в романе Теодора Драйзера «Оплот» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/478/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/1

Reception of John Woolman's *Journal* in Theodore Dreiser's *The Bulwark*

Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova¹

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, dvap_19@mail.ru

Abstract. The article discusses the reception of John Woolman's *Journal* (1774) in Theodore Dreiser's *The Bulwark* (1946). John Woolman was a prominent 18th-century Quaker minister and abolitionist, whose *Journal*, usually defined as a spiritual autobiography, is his most famous text. Since its first edition, *The Journal* has been highly acclaimed among American autobiography readers and critics. In 1939 it was reverently perused by Dreiser. Two decades earlier, in 1914–1920, the writer had produced drafts of his Quaker novel *The Bulwark* but had not completed this text, partly due to a certain ambivalence he felt toward the protagonist. The 1920s–1930s, meanwhile, were decades marked by Dreiser's arduous intellectual and spiritual search and extensive reading. Arguably, it was Dreiser's acquaintance with Woolman's *Journal* which played a transformative role in his decision to reshape *The Bulwark*. The novelist rejected the original satirical portrayal of the central character and expanded the timespan of the novel. The idea of Woolman's influence on *The Bulwark* has been maintained by several critics; however, it was mostly mentioned without much elaboration. G. Friedrich's article (1955) and D. Pizer's monograph (1976) have been the only studies to discuss the reception in more detail. This article corroborates Friedrich's and Pizer's findings and contributes to the associations established in prior scholarship. Besides, it endeavors to provide a classification of Woolman's reception indicators in *The Bulwark*. Comparative analysis of the two narratives reveals two aspects of Woolman's reception in *The Bulwark*. The first aspect is associated with *The Journal* introduced to the plot as a book that accompanies the characters throughout their lifetime and is perceived differently by them in different periods. *The Bulwark* contains four explicit references to *The Journal*. Whereas it is a "desk companion" for the protagonist, Solon Barnes, the younger generation tends to perceive *The Journal* as an irrelevant, outdated text. The novel's final chapters emphasize the significance of Woolman for the characters. The second aspect of reception appears to be manifested in the numerous associations between the figure of Solon Barnes and the *Journal* autobiographical hero, their relatedness being suggested by psychological similarities as well as the novel plotting. The article argues that *The Bulwark* contains at least nine allusions to *The Journal*. These allusions may be discovered (1) in the chapters narrating Woolman's and Barnes's early years, (2) in the depictions of their worldviews, (3) in the motif of "intuitive communication", (4) in third-person self-reference used by the two characters in the final chapters. The article concludes that the "personal spiritual drama" of Solon Barnes is composed by Dreiser with a considerable number of direct and indirect allusions to Woolman's autobiography.

Keywords: John Woolman, John Woolman's *Journal*, autobiography, Theodore Dreiser, *The Bulwark*, reception, allusion

For citation: Abdurakhmanova-Pavlova, D.V. (2022) Reception of John Woolman's *Journal* in Theodore Dreiser's *The Bulwark*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/1

«Дневник» и «Оплот»: предварительные замечания

Квакерский проповедник Джон Вулмен¹ (1720–1772) известен в американской истории как один из первых борцов за отмену рабства, убежденный пацифист, и, по выражению знаменитого поэта Джона Гринлифа Уиттьера, «квакерский святой» XVIII столетия [1. Р. 81]. В историю литературы имя Вулмена вошло благодаря его «Дневнику» [2] (полное название: *The Journal of the Life, Gospel Labours, and Christian Experiences of that faithful minister of Jesus Christ, John Woolman*, (1774)) [3].

«Дневник» представляет собой автобиографическое повествование, в центре которого – основанный на вероучении квакеров мистический образ «внутреннего света»², способного озарять сознание человека и направлять его по жизненному пути. Постоянное сопоставление автобиографическим героем своих поступков и рассуждений с велениями «внутреннего света» – ключевой мотив «Дневника». Следует отметить, что религиозная составляющая у Вулмена тесно связана с общественной проблематикой, и потому важнейшую роль в его духовной автобиографии играют такие темы, как рабовладение, положение индейцев в колониях, этические аспекты развития экономики. Между тем те аспекты жизни Вулмена, которые не имеют прямого отношения к религии и социальной проблематике, остаются за рамками повествования. Назначением «Дневника» является не только и не столько запечатление уникального «я», неповторимой исторической личности, сколько моделирование некоего «образцового героя», востребованного в американской автобиографии эпохи Просвещения [5].

Несмотря на то, что «Дневник» был ориентирован, главным образом, на единоверцев автора, слава этого текста вышла за пределы квакерской культуры и, начиная с первого издания 1774 г., «Дневник» привлекал все новые поколения ценителей американской исповедальной прозы. В 1939 г. к почитателям Вулмена присоединился Теодор Драйзер; благодаря прочтению «Дневника» писатель значительно модифицировал замысел уже начатого к тому моменту романа «Оплот» [6] (*The Bulwark*, 1946 [7]).

«Оплот» повествует о жизни трех поколений квакерской семьи в Пенсильвании на рубеже XIX–XX вв. В основе романа лежат трудноразрешимые конфликты «традиционной» религиозности и веяний новой эпохи, консерватизма и современности, отцов и детей. Главный герой Солон Барнс – квакер родом из фермерской семьи, человек высочайших нравственных принципов, образцовый служащий, прекрасный семьянин. Человеку доброму, честному и трудолюбивому, Солону, как отмечается в романе, для совершенства не хватает лишь одного: широты кругозора. Круг его чтения составляет только религиозная литература; единственным исключением являются газеты, кото-

рые он просматривает по долгу службы. Солон порицает всякого рода изящные искусства, и, хотя он знает, например, что «на свете существует литература: рассказы, стихи, пьесы, очерки, повести», тем не менее, неукоснительно следует почерпнутому из квакерской назидательной литературы убеждению: «...чтение романов есть занятие, пагубное для человека; романы несут в себе зло, и потому печатать их, продавать или одалживать кому-либо – грех» [6. С. 41]. Дом Солон Барнса, имение Торнбро – воплощение квакерского идеала благочестивой простоты, в котором единственное украшение стен составляют библейские изречения. Супруга Солон Бенишия, также воспитанная в религиозной семье, практически во всем разделяет взгляды мужа. Первая из трех частей романа, посвященная детству и юности Солон и Бенишии и зарождению их любви, проникнута идиллическим духом.

Вторая и третья части, однако, представляют собой хронику разочарований в жизни героя. Верный квакерскому идеалу абсолютной честности, Солон с горечью осознает, что многие единоверцы ради прибыли готовы на «мелкие», а иногда и весьма крупные, «сделки с совестью» [6. С. 129]. Квакеры начала XX в. все менее ревностно соблюдают заветы отцов: с роскошью обставляют дома, перенимают светскую культуру. Но самое большое разочарование для Солон Барнса связано с его младшими детьми Эттой и Стюартом, которые идут на открытый мятеж против родительского уклада жизни. Дочь Этта, с детства грезившая об искусстве, сбегает из дома, чтобы стать писательницей; сын Стюарт тяготеет мыслью о намеченной для него отцом деловой карьере и, увлекаемый соблазнами большого города, начинает жить двойной жизнью. Судьба Стюарта оказывается трагической: он становится соучастником тяжкого преступления и, хотя юношу можно назвать «наименее виновным из всех драйзеровских преступников» [8. Р. 284], он не выдерживает мук совести и совершает суицид. Эти печальные события составляют главную тему третьей части «Оплота». Пережитое повергает Солон в глубочайший духовный кризис. В финале романа, многое переосмыслив, он приходит к новому пониманию веры. Своего рода духовное перерождение испытывает и примирившаяся с отцом Этта.

Предваряя рассмотрение влияния Вулмена на Драйзера, следует принять во внимание «странную и запутанную» [9. Р. 21] историю создания книги. Писатель начал работу над ней осенью 1914 г., а завершил в мае 1945 г. [10. Р. 299]. Замысел «Оплота» был навеян семейной историей, которой в 1912 г. поделилась с Драйзером его читательница Энн Тэйтум. Отец девушки характеризовался как «исключительно набожный и мягкий по натуре квакер, чей благородный характер, однако, не принес ему счастья, а сыграл в жизни его семьи глубоко трагичную роль» [9. Р. 22]. Как известно, тема мировоззренческого конфликта

отцов и детей была для Драйзера крайне важной и, в силу обстоятельств его собственной биографии, очень личной. Первые наброски романа, созданные с 1914 по 1920 г., показывают, что первоначально образ Солона Барнса, хотя был выписан не без сочувствия, носил явно сатирический оттенок (как и название романа) [10. Р. 305, 321; 11. Р. 162], а сам роман должен был стать «атакой на моралистов» [11. Р. 176]. Солон напоминал многих героев других романов Драйзера – догматически мыслящих людей, которые, будучи бес-силыны «навязать [свой] моральный кодекс» [12. С. 667] всему миру, становятся диктаторами в семье. Действие в первой версии было ограничено зрелыми годами Солона и завершалось полным крахом «барнсовского мира».

По ряду причин в 1920 г. Драйзер приостановил работу над «Оплотом» и отчасти потерял интерес к этому замыслу. Перерыв был во многом обусловлен сложностью поставленной задачи: создать портрет «прихожанина церкви, примерного семьянина, законопослушного банкира в сером костюме», человека, олицетворяющего «пресную смесь рассудительности и скучности», и при этом не «утомить читателя», а сделать этот образ ярким и убедительным [13. Р. 53]. Периодически пытаясь возобновить работу, писатель признавался, что его не покидает чувство неудачи [11. Р. 440]. Его племянница Вера объясняла это тем, что Драйзер отождествлял Солона Барнса со своим отцом, а также, отчасти, с самим собой [14. Р. 208]. Некоторая самоидентификация с главными героями была характерна для Драйзера и раньше, однако в случае с «Оплотом» она блокировала творческий процесс: не считая себя религиозным человеком и по-прежнему скептически воспринимая религию, писатель, тем не менее, уже не мог смотреть на своего персонажа-квакера с первоначальной иронической дистанции [11. Р. 440].

Период 1920–1930-х гг., между тем, многое изменил в мировидении романиста. Это было время напряженных исканий Драйзера в политике, философии и религии, время обширного чтения – в первую очередь, научной литературы («от Демокрита до Эйнштейна» [15. Р. 17]). Писатель постоянно собирал новые материалы, которые он надеялся, можно было бы синтезировать в книге «Формула под названием Жизнь» (*The Formula Called Life*). Результат этого масштабного, но, увы, оставшегося незавершенным труда составил тридцать шесть ящиков рукописей, лишь некоторые из которых были опубликованы [10. Р. 295–296]. Тем не менее уже само название задуманной книги отражает характер эволюции, которую претерпели взгляды Драйзера в эти годы. Как и в более ранние периоды, натуралист Драйзер оставался верен стремлению исследовать некие законы, формулы, механизмы, скрытые «за кулисами» индивидуального и общественного бытия. Однако если прежде эти формулы представлялись писателю стихийно-разрушительными, теперь он стал видеть в них разумность, красоту и созидательность [10. Р. 294].

В конце 1930-х гг. одним из важнейших авторов для Драйзера стал американский писатель и философ-

трансценденталист Генри Дэвид Торо, которого он много читал, готовя к публикации книгу для серии «Вечные мысли» (*The Living Thoughts Series* [15]). Суммируя в ходе этой работы философские идеи Торо, Драйзер укрепился в том направлении мысли, по которому шел последние несколько лет: за внешней суровостью законов природы, согласно Торо, скрыт великий творческий и художественный гений; человек может постичь благодать и красоту этого божественного гения, терпеливо изучая природу.

С увлечением философией Торо совпало другое сильно повлиявшее на Драйзера событие – произошедшее в 1938 г. знакомство с именитым квакером, историком Руфусом Джонсом (1863–1948). По совету Джонса Драйзер стал читать книги о квакерстве, что помогло ему по-новому взглянуть на эту религию. Писатель был весьма впечатлен философией «Друзей», а также их умением сочетать активную социальную работу с религиозностью, «свободной от всякой догмы» [10. Р. 305]. Писатель высоко оценил знаменитый «Дневник» (*The Journal*) основателя квакерства, британского проповедника Джорджа Фокса (1624–1691), а также автобиографическую книгу самого Джонса «Обретая в жизни путь»³ (*Finding the Trail of Life*). Известно, что квакерство существенно повлияло на трансцендентализм [16. Р. 92], а потому неудивительно, что Драйзер нашел в текстах «Друзей» немало общего с идеями Торо и своими собственными⁴.

В январе 1939 г. Драйзер впервые прочитал «Дневник» Джона Вулмена. Этот текст привлек особенное внимание романиста: почти половина страниц в его экземпляре «Дневника» испещрена пометками [17. Р. 388]. Философские идеи Вулмена также оказались созвучными тому мировосприятию, к которому с годами пришел писатель. По Вулмену, в основе созданного Творцом мира лежит гармония, и, хотя она была людьми утрачена, человечество способно вновь ее обрести. Путь к этой общей гармонии лежит через покорение личной воли Высшей воле, согласие каждого человека следовать водительству⁵ «внутреннего света» и играть положенную ему «партию» в мировой «симфонии» [18. Р. 95]. Сходным образом, Драйзер в своем незавершенном философском исследовании тех лет стремился показать, «с одной стороны, незначительность отдельного человека, а с другой стороны, величие и красоту того процесса, частью которого человек является» [10. Р. 295]. К идеям квакерского проповедника Драйзера, безусловно, привлекал и глубоко социальный пафос, касающийся, прежде всего, защиты прав угнетенных: рабов, малоимущих, коренных жителей американского континента.

Симпатию романиста вызвали не только взгляды Вулмена, но и сама личность проповедника. В образе Вулмена, каким он предстает на страницах «Дневника», Драйзер увидел высокую личную нравственность, на редкость свободную, при этом от какого-либо сомнения и категоричности суждений. Писатель поставил Вулмена в один ряд с такими великими личностями, как Диоген, Будда, Иисус Христос, Франциск Ассизский, Фома Кемпийский, Ян Гус,

Джон Беньян [15. Р. 16–17]. Оценивая же литературные достоинства «Дневника», Драйзер включил Вулмена, наряду с Дж. Фоксом и Ж.-Ж. Руссо, в число «создателей... самых прекрасных и самых искренних автобиографий в истории литературы» [11. Р. 440].

Впечатление, произведенное личностью Вулмена на Драйзера, помогло романисту завершить образ героя «Оплота». Показателен следующий факт. Читая о Вулмене в книге Р. Джонса, Драйзер обратил внимание на следующий пассаж: «В поступках Вулмена, в самом его духе мы находим ярчайшее воплощение идеала квакерского мистицизма. Мало кто прошел так же далеко, как Вулмен, по очищающему пути... совершенно освободив свой дух от гордыни» [17. Р. 201. Qtd. in: 18. Р. 388]. Подчеркнув эти слова, Драйзер написал на полях: «Солон» [18. Р. 388].

Именно знакомство Драйзера с квакерской классикой, по-видимому, стало ключевым фактором [10. Р. 304] в модификации замысла «Оплота»: роман окончательно утратил сатирическую направленность – «если во многих предыдущих произведениях Драйзера... религия изображалась почти карикатурно, в “Оплоте” писатель впервые обращается к ценности веры» [8. Р. 275]. Интересно наблюдение американского ученого Г. Фридриха: он обращает внимание на примечательную пометку в принадлежавшем Драйзеру экземпляре «Дневника», позволяющую предположить, что текст проповедника придал новое звучание даже самому названию романа (уже утвержденному к тому моменту). Драйзером подчеркнута следующая фраза Вулмена: *«Глубокое смирение – сильный оплот, и когда мы входим в него, мы обретаем безопасность и истинное величие»* [2. С. 75] (в оригинале Вулменом использовано именно слово “bulwark” [3. Р. 57]). Вероятно, не только модификация замысла, но и, собственно, возобновление интереса к роману со стороны писателя было во многом обусловлено увлечением писателя новыми текстами, особенно «Дневником» Вулмена.

Обращаясь к истории изучения обозначенной в заглавии рецепции, нужно сделать небольшое отступление и отметить, что в целом интерес критики к «Оплоту» развивался весьма неровно. Впервые изданный в 1946 г., «Оплот» – последний из завершенных романов Драйзера – сразу же вызвал, с одной стороны, большой интерес читателей и критики, а с другой стороны, достаточно противоречивые оценки. Показательной представляется рецензия Ф.О. Маттисена, который характеризовал «Оплот» следующим образом: «очередной религиозный роман, в котором герой заново открывает христианскую любовь» [21. Р. 43. Qtd. in: 22. Р. 153]. Как указывает в своем обстоятельном библиографическом исследовании Д. Пайзер, произведение и впоследствии неоднократно относили к разряду «слабейших романов писателя» [23. Р. 235]. Отдельного внимания заслуживает опубликованная в 1946 г. рецензия квакерского критика К.Т. Браун. Признавая за романом актуальность проблематики (положение «традиционной» религиозности в мире возрастающей секуляризации), автор рецензии, вместе с тем, упрекает романиста в невырази-

тельности стиля, а также подвергает суровой критике искажения, допущенные романистом в описании квакерских обычаев, специфической лексики, норм этикета [24]. Ранние рецензии на «Оплот» окрашены, таким образом, преимущественно разочарованными интонациями.

В 1950-х гг., однако, подход к рассмотрению этого романа становится более взвешенным: литературоведы указывают на особое место «Оплота» в творчестве Драйзера, его принадлежность к позднейшей, четвертой фазе натурализма в творчестве писателя [25. Р. 221]. В свою очередь, Маттисен в книге, вышедшей через пять лет после упомянутой рецензии, отмечает, что «в “Оплоте” не так много от натуралистического трактата – это в гораздо большей степени простая, и при этом насквозь символичная, притча» [26. Р. 243]. Тенденция к более позитивному восприятию романа критиками сказалась в том, что в 1983 г. Л. Хассман назвал «Оплот» «самой недооцененной книгой Драйзера», в чем его поддержал Ш. Сент-Джин [8. Р. 275; 27. Р. 153], а М. Лайдон в недавней работе охарактеризовал книгу как «шедевр» [13]. Тем не менее общее количество работ, посвященных «Оплоту», по-прежнему заметно уступает разнообразию исследований более раннего творчества Драйзера, и сам роман переиздается значительно реже остальных произведений писателя. Можно предположить, что именно вследствие сравнительно невысокого критического интереса к «Оплоту» в целом, вопрос о его связи с «Дневником» Вулмена до сих пор не получал достаточно подробного освещения.

Сам факт влияния «Дневника» на «Оплот» отмечался в литературоведении неоднократно: в 1962 г. о нем писал С. Ричмен, связывая при этом имя знаменитого квакера с традицией трансцендентализма. «Оплот», как отмечает С. Ричмен, – это роман, «по содержанию и стилю своему прочно привязанный к трансцендентальной традиции. Он ничем не обязан Герберту Спенсеру и всем обязан Торо и Джону Вулмэну»⁶ [28. Р. 229]. Однако, указав на данную преемственность, исследователь не останавливается на этом тезисе подробнее. Другой исследователь, затронувший указанную проблематику, – автор вышедшей в 1968 г. монографии о Вулмене П. Роузенблатт; в целом ученый оценивает роман как неудачу Драйзера, поэтому не уделяет ему много внимания, признавая, однако, заметное влияние на текст «Оплота» философии Вулмена и его стиля [20. Р. 125]. Более подробно связь двух произведений рассмотрел в 1976 г. Пайзер, известный специалист по американскому натурализму; он акцентировал внимание, главным образом, на значении «Дневника» в жизни героев «Оплота» [10]. В последующие годы ученые практически не возвращались к данной проблеме; влияние «Дневника» оказалось вне поля рассмотрения даже в специально посвященной интертекстуальным взаимосвязям «Оплота» статье Ш. Сент-Джина [8].

Единственное из известных нам исследований, в котором проблема «Вулмен и Драйзер» рассматривается подробно – это статья Фридриха, опубликованная в 1955 г. Указывая на некоторые сюжетные

аналогии в «Дневнике» и «Оплоте», исследователь замечает: «Удивительно, что в ряду американских писателей именно Драйзеру суждено было сильнее всех подпасть под очарование вулменовского пера» [18. Р. 385]. Фридрих описывает преемственность Драйзера по отношению к Вулмену не только и не столько как непосредственную рецепцию, сколько как «цепочку» влияний: Вулмен – Дж. Г. Уиттнер – Руфус Джонс – Драйзер.

В одной из своих последующих статей [29] ученый перемещает фокус внимания на фигуру Р. Джонса и его уже упомянутую выше автобиографию. Приведенные Фридрихом сопоставления убедительно показывают, что «Оплот», действительно, насыщен аллюзиями также и на книгу Джонса, однако сделанный ученым вывод, что именно это произведение оказало наиболее серьезное, «определяющее» влияние на итоговую версию романа [29. Р. 193], представляется все-таки спорным. Вектор исследования, намеченный ученым в первой статье, остался не совсем разработанным и заслуживает более пристального внимания.

Опираясь на идеи Фридриха и Пайзера и развивая их, можно сделать вывод о наличии, по меньшей мере, двух уровней рецепции текста Вулмена в «Оплоте». С одной стороны, «Дневник» предстает как книга, играющая важную роль в культуре квакеров и особенно ценимая главным героем; с другой стороны, прослеживаются отчетливые параллели между автобиографическим образом Вулмена и фигурой Солона Барнса. Задачей данной статьи является более детальное рассмотрение обозначенной рецепции на обоих уровнях, а новизна предлагаемого исследования заключается в указании на прежде не зафиксированные литературоведами аллюзии на «Дневник» в романе Драйзера.

Аллюзии на «Дневник» в «Оплоте»

Книга Вулмена в жизни героев Драйзера. Рассмотрим последовательно упоминания о Вулмене в романе.

В первый раз о нем говорится в главе, посвященной знакомству Солона Барнса с семьей невесты. Заслышав шаги девушки, влюбленный Солон подходит к этажерке с книгами и, чтобы скрыть волнение, делает вид, что читает «Дневник» Вулмена [6. С. 67]. Даже при таком невнимательном чтении герой, тем не менее, заинтересовывается книгой, и в результате

«немного спустя Солон, часто вспоминая «Дневник» Джона Вулмэна, который он в замешательстве листал в гостиной Уоллинов, ожидая появления Бенишии, решил приобрести и эту книгу и написал ее из Филадельфии. История удивительной жизни этого человека оказалась весьма занимательным чтением. <...> К тому же он знал, что и Бенишия читала эту книгу, и ему хотелось непременно прочесть ее до их новой встречи» [6. С. 73].

Идеи Вулмена близки юному Солону. Характеризуя его мировоззрение, Драйзер в некоторой степени описывает взгляды автора «Дневника»:

«Для Солона – хоть он и не сумел бы это выразить словами – жизнь состояла из суммы закономерных частных случаев, смысл которых был в том, что каждая из них несла в себе крупицу Божественной воли. <...> Он с уважением относился к христианской церкви вообще, видя в ней силу, противостоящую язычеству, однако религиозные верования и учения других сект казались ему бессодержательными. Только в религии Джорджа Фокса и Джона Вулмэна он видел спасение от всех бед земных» [6. С. 106].

Со временем, однако, убеждения героя окрашиваются нетерпимостью. Так, в доме Солона, уже главы большого семейства, совсем нет места светской литературе: узнав, что дочь Этта тайком читает Бальзака, Флобера и Доде, Солон решительно осуждает их как «безнравственных» авторов и уничтожает книги (Глава XLIV). Его уважением пользуются исключительно квакерские тексты. Ригоризм отца вызывает у детей, особенно у Этты и Стюарта, «обратную реакцию»:

«Стюарт смиренно склонил голову. Он чувствовал, что отец в какой-то степени прав, и в то же время этот разговор раздражал его. <...> Надоели до смерти все эти разглазольствования о внутреннем свете. Все равно на него, Стюарта, внутренний свет не действует. Джордж Фокс, Джон Вулмэн со своим «Дневником», о котором ему прожужжали все уши, – какое ему до них дело? Что общего у них с настоящей жизнью?» [6. С. 219].

Предпоследняя глава романа уже полностью посвящена «Дневнику». Вернувшаяся в родной дом Этта, ухаживая за умирающим Солоном, размышляет, как скрасить его последние дни:

«Нелегко было выбрать что-либо для чтения – он был так безучастен ко всему. Однажды, перебирая в гостиной немногие имевшиеся там книги, она увидела «Дневник» Джона Вулмэна и поспешила отнести его Солону.

– Смотри, отец, – сказала она, входя в комнату. – Вот эту книгу ты, по-моему, часто читал, когда мы были маленькие. Хочешь, я тебе почитаю из нее?

Он взглянул, и слабая улыбка осветила его изможденное лицо.

– Да, дочка, – сказал он, взяв томик из ее рук. – Это поистине замечательная книга. Почитай, я послушаю с удовольствием» [6. С. 368].

Для Солона новое обращение к Вулмену знаменует отказ от догматизма, «отвлеченных нравственных кодексов» [6. С. 369] и возвращение к «интуитивной» вере детства [10. Р. 305]. В то же время глубокое впечатление чтение любимой книги отца производит на Этту. Благодаря «Дневнику» героиня многое переосмысливает в своей жизни – свои юношеские мечты, отношения с родителями, побег из дома, роман с художником Уиллардом Кейном:

«Она не забыла Кейна, и любовь к нему все еще жила в ее сердце. Но отец и Джон Вулмэн... научили ее понимать то, что превыше человеческих страстей и связанных с ними эгоистических желаний и стремлений, – мир и радость, заключенные в любви к другим... <...> Теперь и в Этте зашевелилась такая

любовь, и она была готова раствориться в ней всем своим существом» [6. С. 373].

Прямые упоминания «Дневника» Вулмена, таким образом, представляют разные взгляды на классический квакерский текст. Для Солона это – «настолярная книга», по-новому открывшаяся ему в конце жизни. У молодых Барнсов имя Вулмена долгое время ассоциируется с докучной назидательностью. Третий взгляд, представленный в финале – взгляд повзрослевшей Этты, впервые лично обратившейся к «Дневнику» и, неожиданно для себя, нашедшей в нем духовную опору.

Этта мысленно сопоставляет отца с Вулменом [6. С. 372], и данное сопоставление выявляет второй уровень рецепции «Дневника» в тексте Драйзера. Биография Солона Барнса во многом отражает историю Джона Вулмена, что проявляется и в событийной канве романа, и в образе героя.

Эпизоды детства и юности Джона Вулмена и Солона Барнса. Сходство прослеживается уже в происхождении героев «Дневника» и «Оплота» (оба родились в семьях небогатых фермеров), а также в отсылающем к агиографической традиции мотиве благочестивых родителей. Стоит отметить, однако, что в романе Драйзера подчеркнута особая роль в жизни главного героя его матери, Ханны Барнс, что связывает «Оплот», скорее, с традицией, восходящей к «Исповеди» Августина Блаженного, нежели с текстом Вулмена, который не акцентировал внимание на ком-либо одном из родителей.

Как справедливо отмечают Фридрих [18. Р. 389] и Роузенблатт [20. Р. 124], явной аллюзией на первую главу «Дневника» является случай из детства Солона, когда он, играя с товарищем, убивает из рогатки выходящую над гнездом птицу. Нечаянный проступок вызывает у мальчика горькое раскаяние; этот случай запоминается ему, как и Вулмену, на всю жизнь, играя важную роль в становлении его личности.

Отсылкой к «Дневнику» можно, вслед за Г. Фридрихом [18. Р. 390], считать также рассказ о тяжелой болезни и чудесном исцелении юного Солона. Мать Ханна обращается к нему со словами: «Не плачь, Солон, сын мой... Это не конец твоего пути, это только начало. Господь сулит тебе все лучшее впереди. Ты будешь жить, чтобы служить Ему в любви и правде» [6. С. 30]. Подобным же образом, говоря о самой острой фазе перенесенной им в юности болезни, Вулмен пишет:

«...во множестве Его милостей я нашел внутреннее облегчение и почувствовал себя обязанным, если Ему будет угодно вернуть мне здоровье, впредь смиренно ходить пред Ним» [2. С. 33–34].

Сходства в мировоззрении героев. Немало параллелей с Вулменом обнаруживается в мироощущении героя Драйзера. Так, например, горячий отклик в душе Солона Барнса находит характерная для Вулмена идея «простой жизни». Сопоставим два фрагмента из текстов Вулмена и Драйзера. Убедя собеседника в необходимости отмены рабства, автобиографический герой Вулмена говорит о «существенной разнице»

«...между теми, кто умеренно работает, чтобы обеспечить себе существование и воспитать своих детей в бережливости и трудолюбии, и теми, кто живут за счет труда своих рабов. <...> Жизнь первых, на мой взгляд, гораздо более счастливая» [2. С. 80].

Аналогичным образом, Солон Барнс испытывает «...чувство безотчетной симпатии... к одиноким скромным труженикам: фермер ли распахивал свою полоску земли, кузнец ли, один, без подручных, подковывал лошадь или чинил колесный обод, <...> – Солон, глядя на них, размышлял о том, как это должно быть хорошо – усердно и вдумчиво трудиться в одиночку над избранным делом, не стремясь к иным выгодам, кроме того, чтобы прокормить себя и свою семью» [6. С. 41].

Занимая высокую должность в банке, Солон, повинаясь велению души (или же «внутреннего света»), всячески стремится помочь «невыгодной» клиентуре – рядовым вкладчикам, мелким предпринимателям:

«Сердце у него сжималось, когда он видел, как меняется лицо человека, которому отказывают в кредите или требуют немедленной уплаты долга. Не раз он тут же приглашал беднягу приехать к нему в Даклу с приходно-расходной книгой и всеми прочими документами, желая вместе с ним разобраться в положении и попытаться найти выход» [6. С. 157].

Подобные моменты вызывают ассоциацию с филантропическим лейтмотивом «Дневника»: стремлением автобиографического героя помочь нуждающимся людям. Сопоставимыми также представляются решение Солона уволиться из банка, продиктованное осознанием нечестности совершаемых там операций, и уход Вулмена из торговли. Слова Солона, обращенные к его сослуживцам,

«Я, как вы знаете, квакер, а наше религиозное учение не одобряет того бешенства наживы, которое сейчас овладело многими людьми. <...> Быть может, отдельному человеку трудно что-либо сделать против этого, но я, по крайней мере, могу сделать одно: отказаться от участия в деле, которое я считаю безнравственным и дурным» [6. С. 344]

созвучны и с известной фразой из «Дневника» Вулмена, относящейся к главе, в которой описывается его основанное на пацифистских убеждениях решение не платить военный налог:

«Отказаться добровольно платить налог, который наше Общество обычно платило, было чрезвычайно неприятно, но делать вещи, противные моей совести, казалось еще более ужасно» [2. С. 101].

Существенным представляется и следующее сходство в мировосприятии драйзеровского протагониста и вулменовского автобиографического героя. Годы жизни Вулмена пришлись, как известно, на век Просвещения, а его «Дневник» был опубликован незадолго до обретения американскими колониями независимости. Среди американских мыслителей той эпохи было весьма распространено скептическое отношение к прошлому, однако для Вулмена оно не было характерно – напротив, сквозь «Дневник» лейтмотивом проходит идеализированный образ былого, а его ге-

рой стремится «подражать достойнейшим личностям прошлого» [19. Р. 16]: *«Из того, что я читал и слышал, я верил, что в прошлые времена существовали люди, отличавшиеся праведностью пред Богом, которая превосходила все, что я знал или слышал о ныне живущих...»* [2. С. 30]. Аналогичным образом Солон Барнс, уже человек рубежа XIX–XX вв., в «Оплоте» представлен как приверженец консервативных взглядов, в оценке минувших времен склонный к идеализации, а настоящее оценивающий весьма критически. Как справедливо отмечает одна японская исследовательница, сами стены барнсовского имения Торнбро становятся в определенном смысле «границей» между мифологизированным прошлым, «золотым веком» нравственности, дух которого Солон стремится удержать, и настоящим, которое он воспринимает как время упадка [22. Р. 168].

Мотив «интуитивной» коммуникации. Одну из не самых явных и, тем не менее, интересных аллюзий на Вулмена в тексте «Оплота» можно обнаружить в «садовом» эпизоде третьей части романа (Глава LXIV). Наблюдая за природой, пожилой Солон Барнс проникается ощущением незримой взаимосвязи всего сущего. Яркое впечатление на него производит его «разговор» с ужом:

«Дочка... я сейчас узнал о жизни и о Боге то, чего никогда не знал. В траве полз уж, и, хотя я знаю, что это существо безвредное, но при виде его я невольно ощутил страх... <...> Но все же я решил заговорить с ним. Я знаю, что он безвреден, сказал я ему, и не стану его трогать, пусть себе ползет куда хочет. И тотчас же его шея приняла свой обычный вид, голова опустилась. <...> Я хочу сказать, что язык добра понятен всем живым существам, и потому этот уж понял меня, как и я его» [6. С. 359].

Мотив интуитивного взаимопонимания в условиях ограниченности общего языка перекликается с «индейским» эпизодом у Вулмена, где подобное общение происходит между людьми, представителями разных этносов:

«Наши проводники привели нас в дом к глубокому старику, и вскоре <...> явился человек из другого индейского дома <...> И я, узнав, что этот человек стоит у дверей, вышел; у него был томагавк, незаметно завернутый в плащ, и когда я приблизился, он взял его в руку. Я, однако, подошел к нему и, дружески заговорив с ним, понял, что он немного понимает по-английски. <...> Зайдя с нами в дом и поговорив с нашими проводниками, [он] вскоре повел себя довольно дружелюбно, уселся и закурил свою трубку...» [2. С. 179].

Использование «третьего лица». В одной из последних глав «Оплота» примечателен эпизод, когда большой Солон Барнс в полузабытии неожиданно говорит о себе в третьем лице: *«Дочка, что случилось с тем бедным стариком?..»* [6. С. 374]. Эту реплику можно соотнести с рассказом Вулмена об удивительном сне, увиденном им во время тяжелого недуга: в этом сне он ощутил «смерть собственной воли». Описывая свои размышления, сопровождавшие сон, автобиограф также смотрит на себя как бы со стороны:

«Вскоре я вспомнил, что когда-то был Джоном Вулманом...» [2. С. 243]. Показательно, что данный эпизод из «Дневника» почти целиком включен Драйзером в текст «Оплота» (Глава LXVI). Трактуя реплику Вулмена, необходимо иметь в виду следующую особенность «Дневника». Призванный транслировать, прежде всего, ценности квакерской религии [30], этот текст постепенно сужает роль центральной фигуры: «образцовый» автобиографический герой Вулмена неизбежно «отбрасывает» свое эго, «иллюзорную» часть себя [31. Р. 146], а его задача, в конечном счете, ограничивается задачей сообщения читателям своего духовного опыта. Сходство указанных эпизодов позволяет предположить, что, аналогичным образом и Солон Барнс в «Оплоте» также выступает как персонаж, в финале истории приходящий к чувству иллюзорности замкнутого человеческого «эго». При этом в определенной степени из действующего лица повествования Солон Барнс превращается в «сострадательного зрителя» разыгравшегося перед ним сюжета, его интерпретатора, передающего свой духовный опыт окружающим.

Заключение

Проведенный анализ позволил зафиксировать наличие в «Оплоте» четырех прямых отсылок к «Дневнику» Вулмена как произведению, играющему важную роль в жизни героев, а также девяти аллюзий на вулменовский текст, реализовавшихся в сюжете романа и образе протагониста. Обобщая результаты сопоставления двух текстов, можно сделать вывод, что роман «Оплот» в значительной мере является художественным осмыслением «Дневника» Джона Вулмена, а созданная Драйзером фигура главного героя и судьба этого персонажа во многом выстроены по модели, заданной автобиографией знаменитого квакера.

При этом важно подчеркнуть, что, безусловно, образ Солон Барнса не исчерпывается аллюзиями на Вулмена. В портрете героя «Оплота», как говорилось выше, нашли свое воплощение черты другого известного квакера – друга Драйзера Руфуса Джонса, а первоначально его прототипами были отцы Энн Тэйтум и самого писателя. В некоторой степени образ Солон Барнса для Драйзера автобиографичен; кроме того, заметны библейские и шекспировские аллюзии, а также отсылки к другим персонажам романиста [8, 10]. На протяжении двадцати пяти лет, начиная с 1914 г., портрет Солон Барнса постепенно выкристаллизовывался в творческом воображении автора, соединяя в себе черты реальных личностей и вымышленных персонажей. Однако замысел долго оставался нереализованным, главным образом потому, что помещение «святого», нравственно безупречного героя в центр повествования было непростой художественной задачей даже для такого опытного романиста, как Драйзер. Знакомство же писателя с историей жизни реального квакерского «святого», Джона Вулмена, произошедшее в 1939 г., позволило не просто дополнить образ персонажа, но и по-новому осмыслить его духовный путь. В финале романа Солон Барнс стано-

вится, подобно Вулмену, «совершенным квакером»⁷, подлинным оплотом своей веры.

В статье, посвященной роману, Ю.В. Ковалев справедливо отмечает, что «художественное исследование Драйзера многопланово, многоаспектно, и результаты его не могут быть сведены к одной фразе» [12. С. 667]. Представляется, что дальнейшее изучение «Оплота» может проиллюстрировать многопла-

новость и такого вопроса, как рецепция в данном произведении литературного наследия квакерских авторов, в том числе «Дневника» Джона Вулмена. Анализ этой проблемы может быть продолжен и расширен, в частности, на уровне сопоставления религиозно-философского и стилистического аспектов «Оплота» с соответствующими аспектами квакерской автобиографической прозы.

Примечания

¹ Квакерство («Религиозное общество Друзей», The Religious Society of Friends) – протестантское течение, основанное британским мистиком Джорджем Фоксом в середине XVII в.; в основе учения квакеров лежит идея возможности получения людьми божественного откровения посредством не только Библии, но и так называемого Внутреннего Света (The Inward Light). Альтернативные варианты транслитерации фамилии *Woolman*, принятые в изданиях на русском языке: *Вулман*, *Вулмэн*.

² Понятие «внутренний свет» (Inward light) имеет в квакерстве целый ряд синонимов. Так, Дж. Вулмен нередко употребляет в качестве его эквивалента понятия «Божественная мудрость» (Divine wisdom), «Чистый Дух» (Pure spirit), «Истина» (Truth) и многие другие (этот вопрос подробно рассматривается в статье Ш.К. Уильямс [4]).

³ Перевод автора статьи.

⁴ В автобиографии Джонса есть фраза: «Я был убежден, что внутренний дух простоты проистекает от... общения с Богом»; прочитав ее, Драйзер обвел кругом слово «Бог» (God) и написал на полях слово «Природа» (Nature) [17. P. 129. Qtd. in: 10. P. 306].

⁵ «Водительство» (leading) – религиозный термин, принятый у квакеров.

⁶ Перевод Ю.В. Ковалева [12. С. 663].

⁷ Словосочетание «совершенный квакер» применительно к Вулмену позаимствовано автором статьи из заглавия книги Д. Сокса (*Sox D. John Woolman: Quintessential Quaker. 1720 to 1772. Richmond: Friends United Press, 1999. 148 p.*).

Список источников

1. Plank G. The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal // *Slavery and Abolition*. 2009. Vol. 30 (1). P. 67–91.
2. Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / Пер. с англ. Т.А. Павловой. М.: Астрейя, 1995. 336 с.
3. Woolman J. The Journal and Major Essays / Ed. by Ph.P. Moulton. Richmond: Friends United Press, 2007. 342 p.
4. Williams Ch.C. The Names of God in George Fox and John Woolman // *Quaker Religious Thought*. 1992. Vol. 80 (4). P. 33–40.
5. Banes R.A. The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth Century America // University of Hawai'i Press: Biography. 1982. Vol. 5 (3). P. 226–239.
6. Драйзер Т. Оплот / Пер. с англ. Е.Д. Калашниковой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
7. Dreiser Th. The Bulwark. New York: A Doubleday and Company Inc., Garden City, 1946. 340 p.
8. St. Jeane Sh. Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark // *Christianity and Literature*. 1999. Vol. 48 (3). P. 275–293.
9. Salzman J. The Curious History of Dreiser's The Bulwark // *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 1973. Vol. 3. P. 21–61.
10. Pizer D. The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976. 382 p.
11. Lingeman R. Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945. New York: G.P. Putnam's Sons, 1990. 546 p.
12. Ковалев Ю.В. Финал / Драйзер Т. Стоик. Оплот. Ленинград: Лениздат, 1989. С. 652–670.
13. Lydon M. Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece. New York: Franklin Street Press, 2017. 70 p.
14. Dreiser V. My Uncle Theodore. New York: Nash Publishing, 1976. 240 p.
15. Dreiser Th. The Living Thoughts of Thoreau. New York: David McKay Co., Inc. 1963. 176 p.
16. Jolliff W. The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau // *The Concord Saunterer*. 2007. Vol. 15. P. 91–111.
17. Jones R. The Trail of Life in the Middle Years. New York: The Macmillan Company, 1934. 262 p.
18. Friedrich G. Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal // *American Quarterly*. 1955. Vol. 7 (4). P. 385–392.
19. Plank G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 292 p.
20. Rosenblatt P. John Woolman. New York: Twayne Publishers, Inc., 1969. 164 p.
21. Matthiessen F.O. God, Mammon and Mr. Dreiser; A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith // *The New York Times Book Review*. 1946, March 24. P. 42–44.
22. Tsuchiya Y. Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works. Nagoya University: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Letters. 2014. 203 p.
23. Pizer D. Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest by Lawrence E. Hussman Jr. (review) // *Studies in American Fiction*. 1984. Vol. 12 (2). P. 235.
24. Brown C.T. Dreiser's Bulwark and Philadelphia Quakerism // *Bulletin of Friends Historical Association*. 1946. Vol. 35 (2). P. 52–61.
25. Walcutt Ch.Ch. American Literary Naturalism: A Divided Stream. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. 344 p.
26. Matthiessen F.O. Theodore Dreiser. New York: William Sloane Associates, 1951. 268 p.
27. Hussman L.E., Jr. Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983. 224 p.
28. Richman S. Theodore Dreiser's The Bulwark: A Final Resolution // *American Literature*. 1962. Vol. 34 (2). P. 229–245.
29. Friedrich G. A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark // *American Literature*. 1957. Vol. 29 (2). P. 180–193.
30. Higgins E. John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission // *Quaker Religious Thought*. 1993. Vol. 81. P. 25–37.
31. O'Reilly M.R. John Woolman: The Unconstructed Self // Heller M. (Ed.) *The Tendering Presence: Essays on John Woolman*. Philadelphia: Pendle Hill Publications, 2003. P. 133–147.

References

1. Plank, G. (2009) The First Person in Antislavery Literature: John Woolman, his Clothes and his Journal. *Slavery and Abolition*. 30 (1). pp. 67–91.
2. Woolman, J. (1995) *Dnevnik. Khodataystvo o bednykh* [The Journal and Major Essays]. Translated from English by T.A. Pavlova. Moscow: Astreya.
3. Woolman, J. (2007) *The Journal and Major Essays*. Ed. by Ph.P. Moulton. Richmond: Friends United Press.

4. Williams, Ch.C. (1992) The Names of God in George Fox and John Woolman. *Quaker Religious Thought*. 80 (4). pp. 33–40.
5. Banes, R.A. (1982) The Exemplary Self: Autobiography in Eighteenth Century America. *University of Hawai'i Press: Biography*. 5 (3). pp. 226–239.
6. Dreiser, Th. (2018) *Oplot* [The Bulwark]. Translated from English by E.D. Kalashnikova. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
7. Dreiser, Th. (1946) *The Bulwark*. New York: A Doubleday and Company Inc., Garden City.
8. St. Jeane, Sh. (1999) Mythology, Religion, and Intertextuality in Theodore Dreiser's The Bulwark. *Christianity and Literature*. 48 (3). pp. 275–293.
9. Salzman, J. (1973) The Curious History of Dreiser's The Bulwark. *Proof: The Yearbook of American Bibliographical and Textual Studies*. 3. pp. 21–61.
10. Pizer, D. (1976) *The Novels of Theodore Dreiser: A Critical Study*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
11. Lingeman, R. (1990) *Theodore Dreiser: An American Journey. 1908–1945*. New York: G.P. Putnam's Sons.
12. Kovalev, Yu.V. (2017) Final [The Finale]. In: Dreiser, Th. *Stoik. Oplot* [The Stoic. The Bulwark]. Translated from English. Leningrad: Lenizdat. pp. 652–670.
13. Lydon, M. (2017) *Theodore Dreiser, Anna Tatum, and The Bulwark: The Making of a Masterpiece*. New York: Franklin Street Press.
14. Dreiser, V. (1976) *My Uncle Theodore*. New York: Nash Publishing.
15. Dreiser, Th. (1963) *The Living Thoughts of Thoreau*. New York: David McKay Co., Inc.
16. Jolliff, W. (2007) The Economy of the Inward Life: John Woolman and Henry Thoreau. *The Concord Saunterer*. 15. pp. 91–111.
17. Jones, R. (1934) *The Trail of Life in the Middle Years*. New York: The Macmillan Company.
18. Friedrich, G. (1955) Theodore Dreiser's Debt to Woolman's Journal. *American Quarterly*. 7 (4). pp. 385–392.
19. Plank, G. (2012) *John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
20. Rosenblatt, P. (1969) *John Woolman*. New York: Twayne Publishers, Inc.
21. Matthiessen, F.O. (1946) God, Mammon and Mr. Dreiser; A Posthumous Novel of Man's Search for Meaning in a World without Faith. *The New York Times Book Review*. March 24. pp. 42–44.
22. Tsuchiya, Y. (2014) *Urban Pastoralism in Theodore Dreiser's Works*. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Letters. Nagoya University.
23. Pizer, D. (1984) Dreiser and his Fiction: A Twentieth-Century Quest by Lawrence E. Hussman Jr. (review). *Studies in American Fiction*. 12 (2). p. 235.
24. Brown, C.T. (1946) Dreiser's Bulwark and Philadelphia Quakerism. *Bulletin of Friends Historical Association*. 35 (2). pp. 52–61.
25. Walcutt, Ch.Ch. (1956) *American Literary Naturalism: A Divided Stream*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
26. Matthiessen, F.O. (1951) *Theodore Dreiser*. New York: William Sloane Associates.
27. Hussman, L.E., Jr. (1983) *Dreiser and His Fiction: A Twentieth-Century Quest*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
28. Richman, S. (1962) Theodore Dreiser's The Bulwark: A Final Resolution. *American Literature*. 34 (2). pp. 229–245.
29. Friedrich, G. (1957) A Major Influence on Theodore Dreiser's The Bulwark. *American Literature*. 29 (2). pp. 180–193.
30. Higgins, E. (1993) John Woolman's Journal: Narrative as Quaker Values Transmission. *Quaker Religious Thought*. 81. pp. 25–37.
31. O'Reilly, M.R. (2003) John Woolman: The Unconstructed Self. In: Heller, M. (ed.) *The Tendering Presence: Essays on John Woolman*. Philadelphia: Pendle Hill Publications. pp. 133–147.

Информация об авторе:

Абдурахманова-Павлова Д.В. – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dvarp_19@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Abdurakhmanova-Pavlova, postgraduate student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dvarp_19@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021;
одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 17.07.2021;
approved after reviewing 22.01.2022; accepted for publication 20.05.2022.